

НАДЕЖДА СОКОЛОВА

БЛОНДИНКА
ДЛЯ ДРАКОНА

Надежда Соколова

Блондинка для дракона

<https://litres.ru/74235748>

SelfPub; 2026

Аннотация

Старая дева с Земли перенеслась в магический мир. Банально. Но, боги, как же интересно! И теперь уже не глупенькая красотка-магичка будет охмурять герцога-дракона, а я, офисный планктон, привычная и к ору начальства, и к шушуканьям коллег за спиной. Ну держись, герцог! Я пришла!

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	8
Глава 3	17
Глава 4	24
Глава 5	33
Глава 6	39
Глава 7	49
Глава 8	58
Глава 9	65
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Надежда Соколова

Блондинка для дракона

Глава 1

– Анна! – разнесся по замку рев, от которого задрожали хрустальные люстры и испуганно пискнули фамильные гоблины в нишах. – Анна, чтоб тебя демоны разодрали! Я же все равно найду тебя! Анна!

Я весело хмыкнула, зарываясь поглубже в куст ластении розоватой – этот гадский куст, между прочим, стоил целое состояние, потому что цвел только раз в столетие и пах так, что у любого эльфа-парфюмера случился бы оргазм. Но мне было плевать на его цену. Я мысленно скрутила фигу – самую наглую, с тремя загогулинами – и прижалась спиной к теплому мрамору фонтана. Ори, ори, женишок мой ненаглядный, герцог Третий Небесный, между прочим. Все равно не найдешь. У меня сильные магические амулеты – дедушкин артефакт Невидимости и браслет, краденый у самой королевы теней. Да и вообще...

Что «вообще», я додумать не успела, потому что в следующую секунду герцог, видимо, активировал поисковое заклинание — и воздух вокруг меня наполнился запахом жженой корицы и его фирменным рычанием, от которого у ме-

ня внутри все сладко сжималось. Я уже открыла рот, чтобы рывкнуть ему в ответ что-нибудь этакое, с искорками, чтобы засмушался и отстал, как вдруг...

Проснулась.

В своей кровати.

Обычной, скрипучей, с пружиной, которая вечно впивалась в поясницу. С одеялом, которое я купила на распродаже в дурацком супермаркете, – оно изображало клетчатого мишку, но мишка уже выцвел и походил на больного барсука.

И теперь уже я выругалась. Не хуже герцога. Даже, пожалуй, цветистее, потому что земной словарный запас у меня был богаче магического, особенно после восьми лет работы в отделе кредитных задолженностей.

– Твою же мать... – прошипела я, пиная ногой сбитое одеяло. – Нет, ну почему? Почему?!

Угу. Снова. Во сне.

Восемнадцатилетняя, наглая, с осиной талией и роскошными волосами, за которые в моем мире отвалили бы состояние на черном рынке париков. Невеста самого завидного жениха трех королевств – и я сбегая от него прямо перед свадьбой, потому что он слишком красивый и самоуверенный, а я хочу сначала попутешествовать по долинам драконов и напиться эльфийского нектара с гоблинами.

Нет, чтобы наяву.

Уж я бы показала ему, тому красавчику с пронзительны-

ми серебряными глазами и челюстью, которая могла бы резать броню. Я бы ему устроила пляски с бубнами! Я бы его заставила ползать на коленях и умолять меня выйти за него, а потом встала бы, гордо вскинула подбородок и сказала: «А вот фиг тебе, герцог! Иди, поухаживай сначала, веков пять».

Увы и ах. Это был только лишь сон.

Красочный, не спорю: с запахами, с ощущением мокрых листьев на лице, с дрожью в коленках от близкой погони. С моей нахальной тезкой, тоже Анной, только там – Анна-Эстель, нахальная ведьма, разбойница и гроза всех придворных интриганов. А здесь – просто Анна, тридцать два года, паспорт, две ипотеки и хроническое одиночество.

Здесь, в реальности, я должна была, зевая так, что челюсть трещала, вставать с этой продавленной кровати. Идти в ванную, где краны текли вразнобой, и смотреть на свое отражение: не выпавшееся, с мешками под глазами, которые я маскировала консилером, с волосами, которые за ночь превратились в гнездо дикой птицы. Потом – пить этот гадкий растворимый кофе, от которого изжога гарантирована, и жевать сухое печенье, вспоминая те эльфийские пирожные, что мне подавали во сне на завтрак.

А потом – тащиться на дурацкую, никому не нужную работу. В офис, где пахнет старым ковролином и чужим потом. Где начальник Петр Сергеевич, лысеющий урод, не умеющий даже нормально рычать, будет требовать отчеты по просрочкам. Где коллеги шепчутся за спиной: «Ты видела? Ан-

на опять в своих фантазиях... В ее возрасте уже пора бы замуж, а она книжки про эльфов читает».

Да пошли они все в магическую бездну!

Я натянула колючий свитер, хлопнула дверью и подумала: если сегодня ночью мне снова приснится герцог, я ему, так и быть, дам себя поймать. Но только затем, чтобы вклепить хорошую пощечину за то, что он меня разбудил.

И, может быть, чмокнуть в эту его идеальную щеку. Чисто из вредности.

Глава 2

Офисный день начинался с ритуала, более сложного, чем любое заклинание из моего сна. Сначала – три неудачные попытки попасть ключом в замок турникета (потому что руки тряслись от кофеина и злости), затем – унижительное приветствие охраннику дяде Васе, который каждый раз смотрел на меня с таким видом, будто я пришла просить милостыню, а не работать. Потом – лифт, пахнущий чужими обедами и дешёвым освежителем, в котором я неизменно застревала между этажами и мысленно представляла, как герцог одним ударом кулака пробивает эти двери и выносит меня на руках в сияющий мир. Но двери открывались сами, и я выходила в святая святых – открытое пространство нашего офиса.

Это был не замок с мраморными залами, а гигантский аквариум из стекла и пластика, где тридцать одинаковых рыбок в серых кардиганах щёлкали клавишами и пили растворимый суррогат. Моё место – в углу, под кондиционером, который дул прямо в спину, словно насмехаясь над моими магическими амулетами. Здесь вместо драконов храпели принтеры, вместо магических кристаллов – мониторы с моргающими иконками Excel. И вместо того, чтобы мчаться по воздуху на метле, я заполняла таблицы с просрочками Петрова, Иванова и бесконечного Сидорова, который брал микрозаймы на новый айфон и уже полгода не платил.

Ещё не дойдя до своего стола, я была перехвачена Олечкой из кадров. Она возникла из-за кулера с таким проворством, будто телепортировалась – зря я, что ли, про магию думаю.

– Анечка! – пропела она, сверкая лаком на ногтях, цветом напоминающим розовый фламинго в истерике. – Ты какая-то бледная! Опять ночью не спала? Книжки свои читала? Ну сколько можно сидеть в этих фантазиях, выйди уже в люди!

Я поставила сумку на стол и выдала дежурную улыбку, которая в моём сне могла бы превратить её в лягушку, но здесь приходилось сдерживаться:

– Олечка, я смотрела сон про замки. Знаешь, там такие высокие башни, что твой брат-разведённый со своей ипотекой отдыхает. И, кстати, там есть магический артефакт, который превращает просроченные кредиты в золотые монеты. Не пригодится ему случайно?

Олечка моргнула, явно не поняв ни слова, но улыбнуться в ответ сочла обязательным:

– Ань, ты смешная. Я серьёзно: завтра у нас корпоратив, ты идёшь? Там будет тот новый бухгалтер, высокий, брюнет, между прочим, не женат. И без детей! Редкость, да?

Я закатила глаза так, что они чуть не остались на потолке:

– Оль, если брюнет не умеет стрелять из лука и не носит плащ на одно плечо, мне неинтересно. А если он ещё и кофе растворимый пьёт – вообще мимо. Так что передай своему

бухгалтеру, пусть отращивает крылья. Или хотя бы усы, как у гнома. Тогда поговорим.

Она вздохнула, как будто я отказалась от миллиона, и ускакала к кулеру – наверное, искать новую жертву для бра-ка.

Я села за компьютер, но не успела открыть Excel, как на-до мной нависла тень. Это был Петр Сергеевич собственной персоной, с его вечным запахом «Шипра» и перегаром от вчерашнего совещания.

– Анна, – начал он тоном, каким в моём мире объявляют войну соседнему королевству. – Почему отчёт по Петрову за второй квартал ещё не на моём столе? Я же просил к девяти!

Я подняла на него глаза и постаралась вложить в ответ максимум яда, но с приторной вежливостью:

– Петр Сергеевич, я отправила его вам в восемь утра. Проверьте папку «Входящие». Или, может быть, ваша мышь съела письмо? У нас, знаете, в офисе не только драконы водятся, но и компьютерные грызуны.

Он нахмурил лоб, зашевелил редкими бровями, полез в телефон и через минуту хрюкнул:

– А... да, есть. Ну, молодец. В следующий раз дублируй на бумаге, я старый, в электронном не разбираюсь.

– Конечно, – улыбнулась я, уже рисуя в мыслях его портрет в образе старого тролля, который ворчит у моста, – я вам распечатаю крупным шрифтом, а ещё приложу картин-ки, чтобы вы не скучали.

Он не уловил сарказма, развернулся и потопал в свой кабинет, громко чихнув на прощание.

– Да будет вам благословение всех семи магов, – шепнула я ему вслед и повернулась к экрану.

Не успела я и трёх цифр набить, как из-за монитора высунулась голова Светы из бухгалтерии – заплаканная, с красным носом и чашкой чая, в которую она уже дважды уронила кусочек сахара.

– Ань, – прошептала она трагически, – ты не представляешь, что он вчера сделал!

Я знала, что «он» – это её муж Вадим, вечный бунтарь, но всё равно спросила:

– Что, опять пакет с отходами на балконе оставил до утра? Или на этот раз он посмел не вытереть крошки со стола?

– Хуже! – Света закапала чаем на клавиатуру. – Он сказал, что моя стряпня несъедобная, и заказал пиццу! И даже не предложил мне! А ты говоришь – мусор. Это измена, Аня, духовная измена!

Я вздохнула и положила руку ей на плечо с видом умудрённой волшебницы:

– Света, дорогая, слушай сюда. В одном из моих снов герцог приказал сжечь кухню своего замка, потому что повар ошибся с перцем. А потом он неделю питался одними нектаром и лепестками, и ничего, выжил. Так что твой Вадим – просто гурман. Скажи ему завтра, что будешь готовить только суп из крапивы и корней мандрагоры. Оценит, проверь.

Света шмыгнула носом и доверчиво спросила:

– А рецепт дашь?

– Да я тебе целый гримуар нацарапаю, – пообещала я, – только дай мне дописать этот долбанный отчёт.

Она улыбнулась сквозь слёзы и уползла обратно в своё бухгалтерское болото, а я уже предвкушала, как вечером придумаю для неё рецепт «Эльфийского рагу», который на самом деле будет состоять из тушёной капусты с черносливом, но с красивым названием.

В обед я спустилась в буфет. Очередь, как всегда, была длиннее, чем шлейф королевской мантии, и впереди нарезал круги Максим – наш «принц на белом мерседесе», как он сам себя величал. Увидев меня, он тут же переключил внимание с кассирши на меня и растянул рот в улыбке, от которой в моём мире уже бежали бы гоблины.

– Аня, привет! Какая встреча! – он пододвинулся поближе, нарушая все зоны комфорта. – Я смотрю, ты опять с салатиком? А может, сгоняем в тот итальянский ресторанчик на углу? Я угощаю. Ну чего ты всё одна-то, красавица?

Я взяла поднос и, придерживая на нём тарелку с салатом, внешне напоминающим ошмётки драконьего завтрака, произнесла максимально ледяным тоном:

– Максим, вот скажи мне как мужчина мужчине... ты любишь, когда тебя преследуют по пятам с предложением, от которого тошнит даже сурков?

Он опешил, но нашёлся:

– Да я же от души! Ты всё шутишь? Ань, давай без этих твоих сказок. Я знаю, ты на самом деле не против, просто стесняешься.

Я поставила поднос на стол, развернулась к нему и в упор спросила:

– Максим, у тебя есть умение взлетать над крышами домов без помощи техники?

– Нет, – растерялся он.

– А превращать воду в золото?

– Не-а...

– А сражаться с трёхглавым змеем голыми руками?

– Ань, ты чего?

– Тогда, дорогой, мне с тобой не по пути, – я снова взяла поднос и добавила через плечо, уже садясь за свой столик: – Когда у тебя в резюме появится пункт «победитель в турнире семи королевств» – позвони. До тех пор – корми кассиршу пиццей, ей нравится.

Максим постоял, почесал затылок, потом сплюнул и отошёл к бургерной, буркнув что-то про «ненормальных фантазёрок». Я лишь усмехнулась и принялась за салат.

Практически сразу ко мне подседа Катя из маркетинга, вечная обладательница гороскопов и таро. Она сразу же ткнула в меня пальцем с длинным ногтём:

– Ань, а я сегодня гадала на кофейной гуще, и там выпало, что ты встретишь мужчину своей мечты. Прямо на этой неделе!

Я чуть не поперхнулась огурцом:

– Катюш, а твоя гуща случайно не сказала, что этот мужчина будет ростом под три метра, с рогами и хвостом? Потому что именно такого я жду. И чтобы он рычал, а не предлагал мне кофе в бумажном стаканчике.

Катя задумалась, заглянула в свою чашку и изрекла:

– Ну, рога не показала, но явно что-то тёмное и опасное. Будь готова.

– Я готова, – усмехнулась я. – Спасибо, Кать. Если что, ты будешь моей придворной ведьмой, когда я стану герцогиней.

Она хихикнула и ушла, оставив меня с мыслью, что в этом офисе, по крайней мере, есть люди, которые не пытаются меня пристроить или заклевать.

К трем часам Петр Сергеевич снова вышел из кабинета и громко, так что слышно было всем, рявкнул:

– Анна! Зайди на минутку!

Я вошла, ожидая разноса, но он смотрел в монитор и бормотал:

– Вот тут в отчёте цифра двадцать три, а должна быть двадцать четыре. Ошибка. Переделай.

– Петр Сергеевич, – начала я, сдерживая себя, чтобы не запустить в него маленьким файрболом. – Вы уверены? Я же сверяла с базой. Там именно двадцать три. Может, у вас в глазах двоится от переутомления? Выпейте валерьянки.

Он поднял голову, хотел что-то возразить, но я заглянула в его бумажку через стол и ткнула пальцем:

– Смотрите, здесь у вас подчёркнуто «Петров» – а это Иванов. И вы смотрите в чужую графу. Хотите, я вам нарисую карту, как читать цифры по порядку?

Он покраснел, засопел и махнул рукой:

– Ладно, иди. Но я тебя запомню!

– Обязательно, – кивнула я, выходя, – запишите в свой магический дневник, только не забудьте пароль.

Вечером, когда я уже закруглялась, Света подошла ко мне с бумажкой, на которой каракулями был записан «рецепт эльфийского рагу». Она спросила:

– Ань, а там точно нужна растоптанная крапива? Или можно обычную?

– Света, – я взяла её за руку, – слушай меня: замени растоптанную на бланшированную, и поверь, твой Вадим будет у тебя в ногах валяться. Если нет – я лично пришлю на него проклятие мелкой чесотки. У меня есть знакомые ведьмы, они недорого берут.

Света засмеялась впервые за день, чмокнула меня в щёку и убежала собираться. Я осталась одна, выключила монитор, взяла сумку и подошла к окну. В сером небе не было ни драконов, ни летающих замков. Только мокрые крыши и медленно зажигающиеся фонари.

– Ничего, – сказала я себе вслух, и мой голос отразился от пустого офиса. – Зато сегодня ночью я как следует полетаю по ту сторону сна. И если герцог начнёт опять орать, я ему в ответ крикну что-нибудь про Петра Сергеевича. Он, может,

хоть испугается и оставит меня в покое до утра.

И я вышла, оставив за спиной мир цифр, отчётов и бездарных коллег. А впереди был сон – мой единственный настоящий дом.

Глава 3

Дом встретил меня запахом сырости и старого кефира из одинокой кефирной бутылки, которую я забыла выкинуть ещё позавчера. Я скинула туфли, которые ненавидела всей душой — они жали мизинцы, будто их шил гоблин-садист, — и швырнула сумку в угол, где она приземлилась с жалобным хрустом (кажется, там внизу лежали хрустящие хлебцы, но мне было плевать). Квартира, в которой я жила уже пять лет, была размером с герцогский гардероб: кухня, совмещённая с прихожей, кровать, выдвигающаяся из стены, и ванная, где можно было либо стоять, либо сидеть на унитазе, но не одновременно.

Я включила чайник. Он загудел, как раненый дракон, и я в который раз подумала: если бы у меня была магия, я бы превратила его в золотого феникса, который подавал бы мне горячий шоколад по первому щелчку. Вместо этого я заварила пакетик дешёвого чая с бергамотом, от которого пахло не бергамотом, а скорее мыслями о бергамоте, и села на единственный стул, скрипнувший подо мной, как старый тролль, выражающий недовольство.

Ужин был великолепен: половинка вчерашнего пирожка с картошкой (сухого, как сама пустыня из моего сна), пара кусочков сыра, который уже начал покрываться благородной плесенью, но я предпочла считать её эльфийской, и тот са-

мый кефир, кислый до такой степени, что он мог бы тягаться с драконьей желчью. Я жевала и смотрела в телефон, листая ленту, где подруги из бывших одноклассниц выкладывали фотографии своих мужей, детей и отпусков на море. Я ставила лайки и мысленно добавляла к каждому снимку подпись: «А мой герцог вырастил бы из вашего мужа цветочный горшок за одну ночь, и дети у нас были бы с крыльями, а море — с живой русалкой». Потом стало обидно, и я выключила телефон.

Пора было готовиться ко сну — самому важному ритуалу дня. Я налила себе ещё чаю, но уже холодного, потому что забыла о нём, и побрела в ванную. Там меня встретило зеркало — старое, мутное, с трещиной в углу, которую я заклеила скотчем ещё в прошлом году. Из него на меня смотрела женщина с тёмными кругами под глазами, с волосами, которые вместо золота имели цвет мышинной брюшины, и с вечной складкой между бровей — следствием бесконечных отчётов и разговоров с Петром Сергеевичем. Я скривилась.

— Ну и где твои локоны до пят? — спросила я у отражения. — Где сияние кожи, о котором пишут в любовных романах? Где твой герцог, а? Всё спит, всё спит...

Я умылась ледяной водой, намазала лицо кремом, который назывался «антивозрастной», но на самом деле был просто жирным и пах сыростью, и почистила зубы щёткой с уже почти лысой головой. Затем натянула пижаму — старую растянутую футболку с динозавром, который улыбался во все

свои острые зубы, — и забралась в постель. Пружина привычно ткнулась в поясницу, одеяло-барсук сбилось в комок, а подушка, плоская, как блин в столовой, не давала никакой надежды на комфорт.

Я выключила свет, и комната погрузилась в серый полумрак, освещаемый только уличным фонарём за окном, который моргал, как маяк в штормовом море. За стеной сосед сверлил что-то дрелью — видимо, решил пробить тоннель в мою комнату, чтобы уточнить, как дела. Я прикрыла глаза, глубоко вздохнула и, как всегда, стала мысленно перебирать события сна, который хотела бы увидеть.

— Ну, давай, — прошептала я в темноту. — Герцог, замок, драконы... Я готова. Выключайте свет, сцена убрана...

И провалилась. Быстро, как в омут.

Ощущение было странным — как будто меня вывернули наизнанку, пропустили через центрифугу и собрали заново. В ушах зашумело, под веками вспыхнуло золото, а затем — тишина. И не просто тишина, а та особенная, бархатная тишина, которая бывает только в старых замках: с лёгким звоном хрусталя, с шелестом тяжёлых штор, с ароматом воска и лаванды.

Я открыла глаза.

Потолок был не мой. Он был высокий, сводчатый, расписанный фресками, на которых обнажённые нимфы убегали от сатиров, а золотые звёзды мерцали как настоящие. Лёгкий ветерок колыхал балдахин над кроватью — огромной, четы-

рѣхспальной, с таким количеством подушек, что их хватило бы на целый детский сад. Простыни были шёлковыми, прохладными и пахли розами, но не магазинными, а настоящими — с горчинкой и мѣдом.

Я медленно села. И ахнула. Волосы — длинные, тяжѣлые, струящиеся — упали мне на плечи водопадом цвета расплавленного золота. Я провела по ним рукой и почувствовала, как они мягкие и гладкие, без единого секущего кончика, без той вечной путаницы, которую я расчѣсывала каждое утро матом и слезами.

Я вскочила с кровати, чуть не запутавшись в ночной сорочке — она была белой, кружевной, с вышитыми драконами, которые, кажется, на мгновение шевельнули крыльями. И тут я заметила свои руки: не те обкусанные, с вечной заусеницей и поломанным ногтем, а тонкие, бледные, с длинными пальцами, унизанные тонкими серебряными кольцами, которые переливались в лучах утреннего солнца, лившегося из огромного витражного окна.

— Ох ты ж... — выдохнула я. И голос — не мой, звонкий, молодой, с лёгкой хрипотцой, которая делает его томным, а не похожим на карканье старой вороны. — Это... это что за фигня?

Я подбежала к трюмо, стоявшему в углу — резному, с позолоченными ножками, и уставилась в зеркало. Оттуда на меня смотрела незнакомка. Блондинка с глазами цвета летнего неба, с пухлыми губами, на которых уже застыла улыбка.

ка, с ослепительно белой кожей и тонкими бровями, как у статуи греческой богини. Это была я — но не я. Это была Анна-Эстель, моя наглая тетка, которая в прошлых снах бежала от герцога и строила козни гоблинам.

Я ущипнула себя за руку. Больно. Очень больно, и на коже тут же проявилось красное пятно. Но я не проснулась.

— Ладно, — сказала я себе и засмеялась собственным новым смехом — звонким, как колокольчик. — Хорошая шутка. Я сейчас выпью этот сон, и всё. Сейчас проснусь, и Петр Сергеевич будет ждать меня с его дурацким отчётом...

Я зажмурилась, изо всех сил, даже лицо скривила, и сосредоточилась на мысли «проснуться». Но ничего не произошло. Никакого будильника, никакого скрипа пружины, никакого запаха кефира. Зато за окном раздался оглушительный рёв — не тот, что у герцога, а совершенно другой, глубже, мощнее, от которого задрожали стёкла. Я подбежала к окну, отодвинула тяжёлую портьеру и замерла.

За окном простирались холмы, покрытые изумрудной травой, а над ними, разрезая облака, кружило нечто огромное, чешуйчатое, с крыльями, способными затмить солнце. Дракон. Самый настоящий, живой, рыже-золотой, с огненными разводами на брюхе и длинным хвостом, который бил по воздуху, как бич.

Я отпрянула от окна и прижала руки к груди. Сердце колотилось так, что, казалось, проломит рёбра. И тут меня осенило. Это не сон. Или сон, но не такой, как раньше. Это был

переход. Я не просто вижу сон — я живу в нём. Я здесь. По-настоящему.

— Ну и нафиг тогда моя ипотека, — выдохнула я, и улыбка разъехалась до ушей. — Нафиг Петра Сергеевича. Нафиг Максима с его пищей. Я в магическом мире! Я блондинка! Я красавица! И я, кажется, невеста герцога, от которого сбегала!

И тут я радостно подпрыгнула на пушистом ковре, закружилась, обнимая себя за плечи. Каждая клеточка моего нового тела пела: тридцать два года земного ада, растворимого кофе, просрочек и одиноких вечеров — они остались там, за гранью. Здесь мне снова было восемнадцать. Здесь пахло магией. Здесь я могла делать всё, что хотела.

— Герцог! — крикнула я в потолок, но в этом голосе было не бегство, а вызов. — Герцог, я здесь! Ну-ка, попробуй меня поймать сейчас, когда у меня реально есть силы!

Я уже собиралась распахнуть двери и выбежать в коридор, чтобы изучить замок, как вдруг в дверь постучали. Тихо, но настойчиво. И знакомый хриплый голос произнёс:

— Ваше сиятельство, вы проснулись? Герцог приказал мне доложить, что сегодня церемония переносится на вечер. Он будет ждать вас в тронном зале. И он, э-э, не в духе.

Я закатила глаза — те самые, теперь небесно-голубые — и подошла к двери. Открыла, и на пороге застыла я — в прямом смысле, потому что там стояла служанка с подносом, на котором дымился шоколад в золотой чашке и лежали

круассаны, от которых исходил аромат настоящего масла, а не маргарина.

— Передай герцогу, — сказала я, беря чашку и чувствуя, как тепло разливается по моим новым пальцам, — что я подумаю, стоит ли мне сегодня вообще выходить из спальни. У меня, знаешь ли, дела поважнее: нужно освоиться в своём собственном теле. И если он рыкнет ещё раз, я превращу его в хомяка. У меня есть амулеты.

Служанка вытаращила глаза, явно не ожидая такого от обычно покладистой невесты. Но я подмигнула ей, откусила круассан — и чуть не заплакала от счастья. Вкусно. Живо. Настояще. Всё было настоящим.

— Девочки, — прошептала я, запивая шоколадом и глядя в окно, где дракон уже делал второй круг над холмами, — я не знаю, сколько это продлится. Но пока оно есть — я буду наслаждаться каждой секундой. А отчёт по Петрову пусть пишет сам Петр Сергеевич.

Я допила шоколад, вытерла губы кружевным платочком и, гордо вскинув голову, вышла из комнаты. Навстречу приключениям. Навстречу магии. Навстречу герцогу, который ещё не знал, что сегодня его невеста проснулась не просто с новым телом, а с тридцатидвухлетним земным цинизмом, офисным сарказмом и абсолютной уверенностью, что даже дракон не страшнее Петра Сергеевича в час сдачи квартального баланса.

Глава 4

Я вышла из спальни с чувством, будто только что выиграла в лотерею, купив билет за последние копейки. Шаг — и мои ноги, облачённые в мягкие кожаные туфельки с вышивкой серебряной нитью, ступили на мраморный пол, отполированный до зеркального блеска. Гулко, с достоинством. Не то что в моей земной прихожей, где кафель трещал и жалобился при каждом моём движении.

Коридор, в который я попала, был шириной с мою всю квартиру вместе с кухней и туалетом. Своды уходили ввысь, теряясь в резных розетках, с которых свисали тяжёлые хрустальные люстры — каждая размером с доброго дракона, и в каждой горели свечи, но не простые, а магические: их пламя переливалось от золотого к синему, от синего к изумрудному, создавая праздничную рябь на стенах. Стены же были обиты тканью цвета бордового бархата, и на них висели портреты предков — серьёзные бородатые мужи в камзолах, дамы в пышных платьях с декольте, некоторые даже улыбались. Причём одна из них, пожилая графиня с родинкой на щеке, подмигнула мне, когда я проходила мимо. Я застыла, обернулась, но портрет уже снова был неподвижен.

— Ну, всё, — сказала я себе шёпотом, — я официально сошла с ума. Но ума-то теперь больше, да, — и похлопала себя по виску. Приятно, когда в виске нет седины.

Дальше шли двери. Много дверей. Высокие, дубовые, с бронзовыми ручками в форме львиных голов, которые, кажется, шевелили гривами, когда я проходила мимо. Я попробовала открыть одну — заперто. Другую — тоже. На третьей меня встретил лакей, застывший у входа, как статуя. Он был невысоким, пухлым, облачённым в ливрею с золотыми пуговицами, и при моём приближении поклонился низко, почти до пола, но без того подобострастного страха, которым меня пугали в старых фильмах.

— Ваша светлость, вы ищете что-то? — спросил он мягко, с лёгкой улыбкой.

Я чуть не ляпнула: «Света, ты?» — но вовремя прикусила язык. Слуга был мужского пола, но выглядел таким же добрым и безобидным, как наша бухгалтерша.

— Нет-нет, — я взмахнула рукой (как красиво! пальцы тонкие, жесты изящные), — я просто решила прогуляться. Осмотреться. Тут всё такое... большое. И блестящее.

Слуга понимающе кивнул:

— Как скажете, госпожа. Если будет нужна помощь — позовите, мы всегда рядом. — И он куда-то бесшумно исчез, словно растворился в воздухе. Умеют же тут.

Я двинулась дальше. Коридоры петляли, лестницы спирально закручивались вверх и вниз, и в каждом новом зале было что-то диковинное: то фонтан в виде золотой рыбки, бьющей струёй прямо в потолок, где вода превращалась в радужное облако; то гобелен, на котором были вытканы сра-

жения с великанами, и в некоторых местах нити двигались, изображая движение войск. Я застряла у этого гобелена на добрых пять минут, пока не поймала себя на том, что пытаюсь разглядеть в толпе воинов знакомое лицо. «Анна, соберись, ты в магическом мире, а не в кинотеатре», — одёрнула я себя.

Но дух захватывало. Всё здесь кричало о богатстве, власти и, чёрт возьми, о вкусе. В углах стояли вазы с букетами — такие же, как в моём сне, ластения розоватая, только теперь я могла их понюхать. Я наклонилась к одному цветку, похожему на огромную фиолетовую лилию, но с шипами, и вдохнула аромат. Он пах мятой, шоколадом и немного клубникой. Обалдеть.

В конце коридора я увидела двустворчатую дверь, распахнутую настежь, и за ней — яркий свет и зелень. Сад. Я почти побежала, но вспомнила, что я теперь аристократка, и замедлилась, стараясь идти с горделивой плавностью. Не знаю, что у меня там вышло — похоже, я напоминала цаплю, которая впервые вышла на лёд, но вокруг никого не было, так что плевать.

Я ступила на каменную террасу, и передо мной открылось чудо. Это был не сад — это был райский уголок, расписанный безумным художником-флористом. Дорожки из розового мрамора вились между клумб, на которых росли цветы невиданных расцветок: алые, но с синими прожилками; жёлтые, как солнечные зайчики, но с зелёными крапинка-

ми; чёрные, как ночь, но с серебряной пылью на лепестках. Некоторые растения поднимались выше моего роста, их стебли были покрыты перламутровыми чешуйками, и они мелодично звенели при дуновении ветра, издавая звук, похожий на арфу.

Я присела на корточки (и подол моей роскошной сорочки сразу же испачкался травой — ну и чёрт с ним, в конце концов, у меня тут, наверное, сотня горничных) и принялась разглядывать один из цветков. Он был похож на наш земной пион, только величиной с мою голову, и при приближении его лепестки слегка шевелились, словно он тянулся ко мне. Я коснулась его пальцем — он был бархатным и тёплым, как живое существо.

— Привет, — шепнула я ему. — Ты кто? Такого в моем супермаркете не продают.

Цветок, конечно, не ответил, но зато рядом с ним зажужжало нечто похожее на пчелу, но размером с мой кулак, и с прозрачными крыльями, переливающимися всеми цветами радуги. Жужжало оно мелодично, как камертон. Я отпрянула, но оно безобидно пролетело мимо и уселось на соседний бутон, который тут же раскрылся шире, словно в знак приветствия.

— Господи, тут даже букашки вежливые, — выдохнула я.

Дальше я увидела небольшой пруд с кувшинками. Кувшинки были не обычные, а светящиеся изнутри, как маленькие фонарики, и под водой плавали рыбки с золотыми плав-

никами, которые выстраивались в хороводы, когда я подходила ближе. Вокруг росли кусты, усыпанные ягодами, похожими на рубины, и от них исходил сладкий запах карамели.

Я бродила по дорожкам, трогала цветы, вдыхала ароматы, и в какой-то момент меня накрыла волна такого детского восторга, что я подпрыгнула и засмеялась в голос — звонко, по-девчоночьи. В ответ из кустов донеслось пение — не птичье, а скорее женское, но без слов, просто красивая мелодия. Я завертела головой, пытаюсь найти источник, но никого не увидела. Потом заметила, что поют сами цветы — некоторые из них издавали тихие, вибрирующие звуки, когда я проходила мимо.

— Это ж надо, — сказала я, останавливаясь у огромного куста с лиловыми колокольчиками, которые звенели как маленькие цимбалы. — У нас дома фикус в горшке погибает, сколько я его ни поливай, а тут целые оркестры из растений. Несправедливо, блин.

Я сорвала один колокольчик, просто чтобы проверить, и он перестал звенеть, но зато на его месте тут же вырос новый. Магия. Настоящая, живая магия.

Я шла по саду всё дальше, и он, казалось, не кончался. За каждым поворотом открывалась новая беседка, увитая плющом, или фонтан с мраморной нимфой, которая лила воду из кувшина, и вода на лету застывала в виде бабочек, а потом сразу же испарялась. Я чувствовала, как ветер играет с моими золотыми локонами, как солнце припекает плечи, остав-

ляя на коже лёгкое тепло, и думала: «Вот зачем я мучилась тридцать два года на Земле? Вот зачем мне Петр Сергеевич, его отчёты и этот дурацкий Максим? Здесь — жизнь. Настоящая, яркая, с цветами-музыкантами и пчёлами-дирижёрами».

В какой-то момент я заметила, что дорожка привела меня к маленькому круглому газону, посреди которого стояла каменная скамья, увитая плющом, с которого свисали гроздья белых цветов, похожих на крошечные звёздочки. Я села на скамью, откинулась на спинку и закрыла глаза. Вокруг было тихо, если не считать лёгкого звона растений и журчания воды где-то поблизости. Пахло мёдом, розами и ещё чем-то неуловимым — может быть, магией.

Я открыла глаза и посмотрела на свои руки — тонкие, белые, с длинными пальцами, униженные серебряными колечками.

«Это я, — подумала я снова. — Это моё тело. Мой мир. Хотя бы на эту ночь, хотя бы на этот сон».

Я просидела так минут десять, просто наслаждаясь тишиной, солнцем и тем фактом, что мне не нужно никуда бежать, ничего не сдавать и никому не улыбаться через силу. Потом встала, отряхнула сорочку, которую уже не жалко было испачкать, и решила, что пора возвращаться в замок — всё-таки неизвестно, сколько продлится это приключение, и я хотела посмотреть на дворец ещё, но уже с другой стороны.

Но по пути обратно я снова задержалась у куста ластеники

розоватой — того самого, за которым пряталась в своём сне. Теперь он стоял передо мной во всей своей красе: высокий, с листьями, напоминающими папоротник, и с крупными розовыми бутонами, которые источали густой, пьянящий аромат. Я провела рукой по его ветке, и он будто бы прогнулся под моей ладонью, как кот, который просит, чтобы его погладили.

— Так вот ты какой, — прошептала я. — А я-то думала, что ты только во сне. Спасибо, что приютил меня тогда. Если что, я ещё забегу за тебя прятаться, ладно?

Куст, кажется, кивнул, или мне просто показалось. Но в тот момент мне было всё равно. Я улыбнулась, подняла голову к солнцу, которое освещало сад мягким золотистым светом, и почувствовала, что впервые за много лет у меня нет ни одной мысли об отчётах, о начальнике, о просрочках и о том, что я никем не любима. Здесь, в этом саду, я была нужна — даже этим цветам, даже этим жужжащим созданиям.

Я медленно пошла назад, к террасе, и на пороге замка меня встретил тот же пухлый лакей. Он поклонился и спросил:

— Ваша светлость, прогулка была приятной?

— Божественной, — ответила я честно, и впервые за долгое время в моём голосе не было ни капли сарказма. — Скажите, а у вас есть ещё такие сады? Или может быть, библиотека? Или комната, где хранятся магические артефакты? Потому что я, знаете, только начала знакомиться с этим местом, и я в полном восторге.

Лакей улыбнулся, и в его глазах мелькнула искорка понимания:

— У нас есть всё, что вы пожелаете, госпожа. Дворец огромен, и в нём прячутся тысячи чудес. Если захотите, я покажу вам завтра зал с говорящими картинами или оранжерею с летающими цветами.

— Договорились, — сказала я, чувствуя, как внутри разливается тепло. — Но сегодня — я просто отдохну от всей этой красоты. Честно говоря, я так счастлива, что боюсь, как бы это не кончилось.

— Счастье никогда не кончается, — философски заметил лакей. — Оно просто переходит в другие формы.

Я уставилась на него с восхищением:

— Слушайте, а вы случайно не философ? Может, вы не только ливрею носите, но и трактаты пишете?

Он тихо рассмеялся, покачал головой и исчез, оставив меня одну в огромном вестибюле. Я постояла, оглядела высокие своды, витражные окна, в которые лился разноцветный свет, и прошептала:

— Ну что ж, Анна-Эстель, а может быть, и Анна-землянка. Добро пожаловать в настоящую сказку. Надеюсь, она продлится хотя бы до утра.

И я, всё ещё не веря своему счастью, направилась обратно к себе в спальню, чтобы переодеться и продолжить исследование — но уже после небольшого отдыха, потому что от восторга у меня кружилась голова, и даже эта новая, моло-

дое тело требовало передышки. Но в сердце уже горел огонь: я вернулась, я здесь, и я ни за что не позволю этому сну закончиться слишком быстро.

Глава 5

Я вернулась в свою спальню на ватных ногах. Эйфория от сада понемногу улеглась, и на её место пришла та самая усталость, которая бывает только после нечеловеческого счастья — когда все эмоции выжаты до дна, а организм требует перезагрузки. Я вошла в комнату, и роскошное убранство уже не казалось таким ослепительным: кровать манила к себе с силой чёрной дыры.

— Ваша светлость, — раздался мягкий голос откуда-то из угла, и я вздрогнула. В кресле у камина сидела служанка — молодая девушка с каштановыми волосами, в аккуратном чепце и скромном сером платье. Она встала, бесшумно, как призрак, и поклонилась. — Я ждала вас, чтобы помочь переодеться. Герцог приказал, чтобы вы были готовы к вечерней церемонии. Через час — выход к алтарю.

Я хлопнула глазами, пытаюсь переварить информацию. Алтарь? Церемония? Ах да, я же тут невеста. Та самая, которая сбегает от женишка в каждом сне. Но сейчас — сейчас мне было глубоко фиолетово на все алтари. Мои веки слипались, ноги гудели, а мозг отказывался работать в принципе.

— Слушай, — сказала я, подходя к кровати и падая на неё плашмя, прямо в испачканной сорочке и туфельках. — Ты, конечно, очень милая, и герцог твой — красавчик, но я сейчас не гожусь ни для какого алтаря. Я гожусь только для

горизонтального положения.

Служанка растерянно заморгала:

— Но, ваша светлость, гости уже собрались, музыканты настроили лютни, а герцог...

— Герцог подождёт, — перебила я, переворачиваясь на спину и глядя на расписной потолок. — Я, может быть, потом и выйду, и даже скажу ему что-нибудь красивое. Но сейчас... сейчас я отключусь.

Я скинула туфельки одну за другой — они упали на пол с глухим стуком — и натянула на себя пуховое одеяло, пахнущее лавандой и чем-то сладким. Служанка всё ещё стояла у кровати, нервно перебирая пальцами подол.

— Может, я помогу вам раздеться? — робко предложила она.

— Не надо, — пробормотала я, уже закрывая глаза. — Всё, что на мне, — это теперь моя пижама. А если герцог спросит, скажи ему, что невеста временно списана в утиль. Вернётся в строй после дозаправки.

Я слышала, как служанка вздохнула, но спорить не стала. Она тихо вышла, прикрыв за собой дверь, и я осталась одна в тишине, освещённая лишь мерцающими магическими свечами.

И я провалилась. Глубоко, без снов, без картинок, без герцогов и драконов. Просто чёрная пустота, блаженная, как пять минут после окончания рабочего дня. Я не видела ничего, не чувствовала ничего — только тепло одеяла и мяг-

кость перины.

Проснулась я оттого, что во рту пересохло, а в животе заурчало так громко, что, казалось, будто где-то в подвале включили отбойный молоток. Я открыла глаза. В комнате было темно — свечи погасли, и только лунный свет серебристой дорожкой лился через огромное окно, освещая узоры на ковре. Где-то далеко, за стенами, тикали часы (или магический хронометр?), но в целом стояла та особенная ночная тишина, когда даже мыши спят в своих норах.

Я медленно села, потянулась всем телом — хрустнули позвонки, и это было приятно, хотя новое тело хрустело не так знакомо, как моё земное. Я огляделась. Комната была моей, той же самой, с балдахином, шкафами и трюмо. Но теперь она казалась больше и таинственнее. Луна рисовала на стенах причудливые тени от веток за окном, и в полумраке висевшие на стенах гобелены казались живыми.

Я пошевелила пальцами ног — шелковые простыни были прохладными и гладкими. И тут мой желудок выдал очередную руладу, напомнив, что последний раз я ела тот самый круассан и пила шоколад, а до этого — кефир с пирожком на Земле. Прошло много часов. Я была голодна. Не просто слегка, а так, что могла бы съесть дракона, если бы он был запечён с яблоками.

Я включила свет? Но здесь не было выключателей. Я пошарила рукой по тумбочке у кровати — ничего, кроме маленького колокольчика. Ага, классика. Позвонить служанке.

Я взяла колокольчик, поднесла его к носу, понюхала, кое-как осмотрела в свете луны. Медный, старый, с гравировкой. Один звонок — и прибежит та самая девушка, предложит ужин, постелет, подаст. Но мне стало немного неудобно: уже ночь, все спят, а я буду дёргать прислугу из-за того, что не поела вовремя. С другой стороны — я же тут аристократка, у меня есть привилегии.

Но я вспомнила, как та служанка смотрела на меня с испуганным уважением, и мне стало её жалко. Ей, наверное, надо рано вставать, выглаживать платья и драить канделябры. И потом — где интерес? Позвать прислугу и получить поднос — скучно. А вот самой пробраться на кухню ночью, в этом шикарном дворце, по тёмным коридорам, может быть, наткнуться на привидения или на что-то волшебное — это же приключение! Тем более я в магическом мире, где даже цветы поют. Вдруг на кухне живёт говорящий котёл или хлеб там сам собой печётся?

Я хихикнула в темноте, отбросила колокольчик обратно на тумбочку и встала с кровати. Пол под ногами был тёплым — какое-то магическое отопление, не иначе. Я нащарила ногами туфельки, накинула на плечи первую попавшуюся шаль, которая висела на спинке стула, и осторожно, стараясь не шуметь, приоткрыла дверь.

Коридор был пуст. Свечи горели в настенных канделябрах, но тихо, приглушённо, и их пламя не трепетало, а стояло ровно, как застывшие огоньки. Где-то вдалеке слышал-

ся мерный шаг — наверное, ночной стражник обходил владения. Но он был далеко, и я не боялась. Меня больше волновал вопрос: где здесь кухня? Я, блин, даже не знаю, куда идти — вниз или налево. В моём сне дворец был огромен, и я никогда не интересовалась служебными помещениями.

Я постояла в нерешительности, кусая губу. Вернуться и позвонить служанке? Или рискнуть и отправиться в ночное приключение в поисках еды? Внутри заиграл азарт: а вдруг я найду кладовую с пирожками, а вдруг там окажется старый повар, который расскажет мне секреты магической кухни? Моя земная скучная натура требовала порядка и точности: «Где кухня? Спросить у администратора». Но Анна-Эстель, моя наглая восемнадцатилетняя половина, уже топала ногой и шептала: «Иди, не бойся, самое страшное, что тебя поймают герцог, а он по ночам вроде как спит».

В животе снова заурчало, на этот раз с требовательным командным тоном. Я вздохнула, натянула шаль плотнее и решила: иду. Потому что если я сейчас вернусь в кровать и начну звонить в этот дурацкий колокольчик, я себя перестану уважать. Я что, в конце концов, тридцать два года пережила в мире, где всё делала сама, и тут буду зависеть от кого-то?

— Налево или направо? — прошептала я, вглядываясь в две стороны длинного коридора. Слева — тусклый свет, справа — ещё более тусклый. Я закрыла глаза и наугад ткнула пальцем вперёд. — О-о-п, направо. Надеюсь, там не туалет.

И я сделала первый шаг в ночной полумрак, прислушиваясь к тишине и к своему голодному желудку, который вёл меня, как компас на север.

Глава 6

Я шла по коридору, стараясь ступать бесшумно, хотя в этих дурацких туфельках с серебряной вышивкой это было сложно — они издавали лёгкий, но предательский цокот по мрамору.

«Надо было снять, — подумала я. — Но если тут есть ночные патрули, я буду выглядеть как босоногая беглянка, и это вызовет ещё больше вопросов. А в туфлях — я просто аристократка, которая не спит и гуляет по ночам. У них, наверное, такое в порядке вещей».

Коридор петлял, сворачивал налево, потом направо, и я уже начала подумывать, что заблудилась окончательно, когда заметила в стене небольшую дверцу. Не парадную, не дубовую с львиными головами, а совсем скромную, деревянную, выкрашенную в тёмно-зелёный цвет, почти сливающуюся с обоями. Ручка была медной, потёртой, и явно вела не в парадные залы.

— Кухня? — прошептала я, прижимаясь ухом к дверце. За ней было тихо, но где-то внизу слышалось слабое гудение и звон посуды. — Или я нашла вход в подземелье? Ну, в любом случае, там есть звуки жизни.

Я дёрнула за ручку. Дверца поддавалась легко, без скрипа, и передо мной открылась узкая лестница, уходящая вниз. Ступени были каменными, с вытертыми краями, и освещались

редкими факелами, которые горели бледно-голубым пламенем — магическим, без дыма и копоти. Внизу было полутемно, и пахло оттуда выпечкой, травами и ещё чем-то мясным.

— Ну, либо там кухня, либо там спят гоблины, — сказала я себе, и желудок снова заурчал, словно выражая согласие на любой вариант. — Вперёд.

Я начала спускаться. Ступеньки были крутыми, и я держалась за шершавую стену, чтобы не кувыркнуться. Моя шаль то и дело сползала с плеч, и я ловила её на лету, чертыхаясь вполголоса. С каждым шагом запахи становились ярче и аппетитнее: теперь я различала аромат свежего хлеба, какой-то карамельной сладости и, кажется, жареного мяса. Даже если это было логово троллей, я была готова рискнуть.

Лестница закончилась ещё одной дверью, на этот раз открытой, и оттуда струился тёплый, золотистый свет. Я толкнула её плечом и вошла.

Кухня была огромной. Потолки — высокие, с закопчёнными балками, на которых висели связки сушёных трав и каких-то кореньев. Вдоль стен тянулись каменные плиты, а над ними в огромных чёрных котлах что-то булькало, издавая ритмичные, почти музыкальные звуки. Но больше всего меня поразило освещение: здесь не было свечей — вместо этого над рабочими столами парили светящиеся шары, похожие на маленькие солнца, которые мягко покачивались в воздухе. Огонь в печах тоже был необычным — он переливался синим и зелёным, и над ним поднимался пар, который

тут же рассеивался серебряной пылью.

Я сделала шаг вперёд, разглядывая это великолепие, и в тот же момент услышала звон — кто-то уронил ложку. Я обернулась на звук и увидела его. Он стоял у дальнего стола, замерев, как статуя, и глядел на меня огромными, круглыми, как блюдца, глазами. Мальчик. Лет двенадцати, не больше. Худой, в заляпанном мукой фартуке, который болтался на нём как парус на швабре. И его кожа была зелёной. Ярко-зелёной, цвета молодой листвы или лайма. На голове — рыжий, торчащий ёжик волос, а из-под фартука виднелись босые ноги с широкими ступнями и длинными пальцами.

— Ой, — сказала я, и он вздрогнул, попятившись и прижавшись спиной к столу. В его руках был зажат огромный нож для разделки мяса, и он, кажется, начал дрожать.

— Вы... вы... — заикаясь и шёпотом, проговорил он. — Вы госпожа. Вы не должны быть здесь. Здесь слуги. И тролли. И... меня убьют, если вы что-то скажете!

Я подняла руки в примирительном жесте, делая шаг назад, чтобы не напугать его ещё больше:

— Эй-эй, тихо. Я не кусаюсь. И ничего никому не скажу. Честное тролльское! — и я почему-то скрестила пальцы за спиной, хотя он, конечно, не видел.

Мальчик (тролль, надо полагать, раз зелёный) всё ещё дрожал, нож дрожал в его руке, но он не убегал. Он просто смотрел на меня, и в его глазах плескался ужас пополам с любопытством.

— Вы не злая? — спросил он, и голос его был тонким, почти девичьим, с лёгким акцентом, как будто он перекатывал слова на языке. — Потому что госпожа Анна, говорят, может превратить в жабу любого, кто её разозлит. И я... я тут всего второй месяц. Я не хочу быть жабой!

Я рассмеялась, и он отпрянул, но потом, видя, что я смеюсь беззлобно, чуть расслабился.

— Дорогой мой, — сказала я, понижая голос до заговорщического шёпота, — чтобы превратить кого-то в жабу, нужно уметь колдовать. А я, знаешь ли, только учусь. И вообще, я пришла не с инспекцией. Я пришла... есть. Я голодна как дракон после зимней спячки.

Он опустил нож, но всё ещё смотрел с подозрением:

— Правда? Вы просто голодны?

— Правда-правда, — я пошлёпала себя по животу, и он тут же издал предательский, громогласный рык. — Слышишь? Это он говорит. Не я. Так что, покормишь меня? Или мне придётся уходить не солоно хлебавши и искать другую кухню?

Мальчик сглотнул, потом неуверенно кивнул. Он положил нож на стол, снял перепачканный фартук и начал суетливо двигаться по кухне, бормоча под нос:

— Я сейчас, ваша светлость. У нас остался вчерашний пирог с мясом, я разогрею. Есть суп из корней, холодный, но вкусный. И булочки, тёплые, я только что достал из печи... Ой, а вдруг вас кто-то увидит на кухне? Меня же выпорют!

— Никто не увидит, — сказала я, садясь на деревянную скамью у длинного стола, на котором были разложены пучки трав и разноцветные порошки в баночках. — Я пришла тайно. Даже свечи не зажигала. Только я и ты. И твоя зелёная кожа, которая, кстати, очень классная. Как у настоящего тролля из сказок.

Он обернулся на меня с удивлением, и его лицо осветила робкая улыбка. Он был милым — с большими ушами, чуть заострёнными, и длинным носом, который придавал ему забавный, озорной вид.

— Правда? А меня дразнят внизу. Говорят, я слишком зелёный даже для тролля.

— Фу, — фыркнула я. — Ты — кулинар. Ты умеешь готовить. Это круче, чем любой цвет кожи. Давай, показывай, что там у тебя за пирог.

Он засуетился, достал из печи противень с огромным пирогом, от которого пошёл такой аромат, что у меня свело скулы, и поставил передо мной. Потом принёс глиняную тарелку, вилку и даже свежий кусок хлеба — пухлого, румяного, с хрустящей корочкой.

— Я не знаю, чем вы любите запивать, — сказал он, застенчиво теребя фартук. — У нас есть травяной чай или молоко с мёдом. Если хотите — я подогрею.

— Молоко с мёдом, — сказала я, уже отрезая кусок пирога. — Это звучит как эликсир богов. Давай.

Пока он грел молоко на синем огне, я вонзила вилку в пи-

рог. Мясо было сочным, с какими-то неизвестными пряностями — остренькими, но приятными, а тесто таяло на языке. Я зажмурилась от наслаждения и чуть не застонала в голос.

— Боже, это вкуснее, чем всё, что я ела за последний год, — проговорила я с набитым ртом. — Слушай, как тебя зовут, кулинарный волшебник?

Он покраснел (насколько может покраснеть зеленокожий) и потупился:

— Меня зовут Тим. Тимли-Тимли, но это длинно. Просто Тим.

Я кивнула, потом дожевала кусок пирога, обликала вилку (потому что манеры, конечно, аристократические, но когда вкусно — тут уж не до этикета) и откинулась на скамье, чувствуя, как приятная тяжесть разливается по телу. Молоко с мёдом согрело изнутри, и я окончательно перестала быть голодным, злым драконом и превратилась в довольную, сытую кошку.

— Тим, — сказала я, ставя кружку на стол, — ты не просто поварёнок. Ты волшебник. Настоящий. Если бы при дворе знали, какие пироги ты печёшь, тебя бы отсюда за уши не вытащили — все бы хотели, чтобы ты готовил только для них.

Тим зарделся (его зелёные щёки потемнели до цвета тёмного олива) и засмутился, теребя край заляпанного фартука:

— Ваша светлость, вы слишком добры. Я просто умею

чувствовать продукты. Моя бабушка говорила, что у троллей нух на правильные сочетания. Правда, она ещё говорила, что мы должны пугать людей, а не кормить их... но я не умею пугать. Я умею только стряпать.

— И прекрасно, — я похлопала его по плечу, и он чуть не подпрыгнул от неожиданности. — Тысячу раз прекрасно. Тот, кто умеет вкусно кормить, гораздо полезнее того, кто умеет пугать. Поверь мне, у меня большой опыт общения с разными людьми. Или с разными существами. Страх — он быстро проходит, а хороший ужин запоминается навсегда.

Тим заулыбался во весь рот, и его длинные зубы — чуть заострённые, как у всех троллей — сверкнули в свете магических шаров:

— А вы правда будете приходить ещё? Я могу приготовить что-нибудь особенное. У нас в кладовой есть яйца виверны, правда, маленькие, но из них получается отличный омлет. И ещё я умею делать десерт из светящихся ягод — он похож на звёздную пыль, если его посыпать сахарной крошкой.

Я представила этот десерт, и у меня потекли слюнки:

— Тим, если ты меня сейчас опять раздразнишь, я съем ещё один пирог, а мне уже и так пора наверх, чтобы никто не хватился. Но давай договоримся: я буду спускаться сюда иногда, когда не сплю. Только чур — никому ни слова. Это наш секрет, понял?

Тим торжественно приложил руку к груди:

— Клянусь огнём очага и своей зелёной кожей! Я никому не скажу. Даже старшему повару, который считает, что я не способен даже яйцо сварить. Пусть он думает, что я бездарь, а я буду тайно кормить вашу светлость самыми лучшими блюдами!

— Вот это правильный подход, — я поднялась, отряхнула сорочку, на которой, увы, уже красовалось пятно от пирога, и накинула шаль. — А ты, кстати, когда заканчиваешь дежурить?

— Мне велено сидеть до рассвета, — Тим указал на большую песочные часы в углу, где золотистый песок ссыпался в нижнюю колбу. — Но я не устаю. Я люблю ночь. Она тихая, и никто не мешает мне экспериментировать.

— Экспериментируй, — я подмигнула ему уже от двери. — И запомни: ты не просто зелёный тролль, ты — зелёный гений. Если кто-то скажет иначе — скажи, что так сказала сама невеста герцога. И пусть попробуют поспорить.

Тим захихикал, прикрывая рот ладошкой, но в глазах его плясали чёртики. Он проводил меня до лестницы и шепнул:

— Ваша светлость, а вы не боитесь ходить по ночам одна? Говорят, в восточном крыле водятся призраки.

— Тим, дорогой, — я обернулась и хитро прищурилась, — я сама кого хочешь напугаю, если меня разбудить до рассвета. Призраки — детский лепет по сравнению с тем, что я видела в своей жизни. Так что спи спокойно и жди меня в гости.

Я начала подниматься по каменным ступеням, и голос Тима догнал меня, тёплый, как его пироги:

— Я буду ждать! И придумаю что-нибудь особенное!

Я помахала ему рукой, уже не глядя, и толкнула зелёную дверцу. Она снова бесшумно притворилась за мной, и я оказалась в тихом, полумрачном коридоре. В животе было тепло и сытно, на душе — легко, а на губах — улыбка. Тим был чудесной находкой. Настоящий маленький зелёный клад, который прятался под замком.

Я двинулась обратно к своей спальне, и теперь коридор уже не казался мне чужим. Я запомнила поворот направо, потом налево, потом мимо портрета той подмигивающей графини (она, кстати, спала — на этот раз не подмигнула). Через пять минут я уже стояла у двери своей комнаты.

Я тихонько приоткрыла её, проскользнула внутрь и прикрыла за собой. В комнате всё так же серебристо светила луна, кровать ждала меня с распростёртыми объятиями. Я сбросила туфельки, скинула шаль на кресло, забралась под одеяло и выдохнула.

«Какой день, — подумала я, глядя в тёмный потолок. — Сад, цветы, этот Тим, его пирог... И я даже не встретила герцога, хотя он, наверное, уже обиделся, что я не вышла к алтарю. Ну и пусть. Утро вечера мудренее. А сейчас — спать».

Я закрыла глаза, и в голове ещё долго кружился аромат свежей выпечки, зелёная улыбка Тима и серебряный свет ма-

гических шаров. И мне было совершенно всё равно, что меня ждёт завтра — платье, церемония или очередной побег. Главное, что в этом мире есть хотя бы одно существо, которое накормит меня ночью и никому не расскажет. И ради этого стоило проснуться сегодня утром в этой кровати, а не в своей земной, с продавленным матрасом.

Я повернулась на бок, укуталась в пуховое одеяло и провалилась в сон — уже не такой тревожный, как в прошлую ночь, а тёплый, как молоко с мёдом.

Нафиг Петра Сергеевича. Нафиг Свету с её мусором. Здесь есть Тим, есть зелёные тролли и есть пироги с мясом, от которых тает душа.

Глава 7

Я проснулась от того, что в дверь моей спальни кто-то колотил так, будто собирался снести её к чёртовой бабушке. Стук был громким, частым и настойчивым — такое могло означать только одно: либо замок горит, либо герцог решил прийти и разобраться, почему я не явилась на церемонию.

— Открывай! — раздался из-за двери голос, низкий, рычащий, от которого задрожали стёкла в витражах. — Анна, я знаю, что ты там! Открывай сейчас же, или я выломаю дверь!

Я приподняла голову с подушки, проморгалась и посмотрела на дверь. Солнце уже заливало комнату золотым светом, и в его лучах плясали пылинки. Где-то в глубине сознания мелькнула мысль: «Ах да, меня же вчера ждали у алтаря». Но эта мысль была вялой и сонной, как я сама. Стук повторился, и к нему добавился удар ногой — кажется, герцог действительно был готов вынести дверь вместе с петлями.

Я вздохнула, откинула одеяло и встала с кровати. На мне была та самая ночная сорочка — белая, кружевная, с вышитыми маленькими слониками по подолу. Да-да, слоники. Забавные, с хоботами, закрученными в колечки, и с красными попонами. Наверное, это была шутка какой-то придворной модистки, но мне эти слоники безумно нравились. Они напоминали мне о чём-то родном и смешном.

— Иду, иду, не ломай дверь, — крикнула я, шаркая бо-

сыми ногами по прохладному мрамору. — Между прочим, у нас тут не казарма, а покои будущей герцогини. Есть понятие этикета.

Я дёрнула задвижку, повернула ключ и распахнула дверь.

На пороге стоял он. Герцог. Мой жених. Тот самый красавчик с серебряными глазами, которые сейчас метали молнии, с челюстью, которая была сжата до скрежета, и с руками, которые сжимали косяк так, что на дереве остались вмятины. Он был одет в парадный камзол — чёрный с золотом, с гербом на груди, но его идеальный костюм выглядел слегка помятым, а волосы, серебристо-пепельные, были растрёпаны, будто он провёл всю ночь в бегах.

— Ты! — выдохнул он, влетая в комнату, и я едва успела отступить. — Ты! Как ты могла?!

Он пронёсся мимо меня, и я ощутила волну жара, которая шла от него — не от гнева, нет, а физического жара, как от раскалённой печи. Его глаза метали искры, буквально — я видела, как в глубине серебряных радужек вспыхивали маленькие огоньки.

— Я могла что? — спокойно спросила я, скрестив руки на груди и привалившись к дверному косяку. — Не пришла на твой дурацкий алтарь? Так ты же знаешь, я вчера была уставшая как собака. Я честно предупредила служанку. Передала тебе привет.

Герцог резко развернулся и уставился на меня. Его взгляд скользнул по моей сорочке, задержался на слониках, и на его

лице мелькнула такая смесь ярости и недоумения, что я едва не расхохоталась.

— Ты... ты явилась ко мне в этом? — он ткнул пальцем в мой наряд. — В ночнушке с этими... животными? Ты хоть понимаешь, что вчера вечером в главном зале собрались все лорды, все леди, послы соседних королевств и сам король! Я ждал тебя час! Два часа! А ты, как выяснилось, спала!

Я зевнула, прикрыв рот ладошкой, и отвела взгляд к потолку:

— Ну так надо было меня не ждать, а разбудить. Или ты не знаешь, где мои покои? Могла бы просто прийти и постучать. Как сейчас. Но нет, ты предпочёл сидеть и злиться в тронном зале. Это, кстати, очень по-драконьи — копить злость. У вас все такие?

Он шагнул ко мне, и жар от него стал почти невыносимым. Я заметила, что вокруг его пальцев начали виться тонкие струйки дыма. Ага, значит, он не просто разозлён — он буквально закипает. Раса драконов, надо же. Я слышала об этом в своих снах, но видеть воочию — это было нечто.

— Не смей говорить с пренебрежением о моей расе, — прорычал он, и пол под его ногами дрогнул. — Я требую объяснений, Анна! Ты моя невеста, ты подписала брачный контракт, твои родители получили выкуп, и всё должно было состояться! А ты... ты просто взяла и проспала!

— Родители, — я фыркнула. — О да, родители. Они меня, конечно, очень любят, но замуж они выдают не меня, а мой

титул и мои земли. Я им просто вещь, предмет торга. Но я — не вещь, герцог. Я — человек. Или драконица, неважно. И я не собираюсь выходить замуж по принуждению.

Он замер. Дым вокруг пальцев рассеялся, и в его глазах промелькнуло что-то похожее на удивление.

— По принуждению? — повторил он медленно, растягивая слова. — Ты считаешь, что я тебя принуждаю?

— А разве нет? — я подошла к нему ближе, глядя прямо в его серебряные глаза. — Ты врываешься в мою комнату, орёшь, топaeшь ногами, пускаешь дым... Это, по-твоему, что? Знак внимания? Я тебя не знаю, герцог. Я не знаю, какой ты. Я не знаю, любишь ли ты сладкое или солёное, встанёшь ли ты рано или спишь до обеда, боишься ли ты пауков или сам их разводишь. И ты хочешь, чтобы я пошла с тобой под венец? Потому что «так надо»?

Герцог открыл рот, закрыл, потом снова открыл. Его лицо пошло красными пятнами — похоже, он не привык, чтобы ему перечили.

— Это... это не обсуждается! — рявкнул он. — Брачный контракт — это дело чести! Ты должна была быть у алтаря! Все ждали. Ты опозорила меня перед всем двором!

— Ах, опозорила, — я кивнула, делая вид, что задумалась. — Да, признаю, это было некрасиво. Но знаешь, что ещё некрасивее? Выходить замуж за человека, который тебя даже не спросил, хочешь ли ты этого. Ты хоть раз спросил меня, герцог? Спросил: «Анна, ты готова стать моей же-

ной?» Нет. Ты просто прислал своих лакеев, своих советников, родителей с их выкупом, и все решили за меня. А я... я вчера впервые нормально выпалась за последние несколько месяцев. И я подумала: «А пусть он подождёт. Пусть понервничает. Может, хоть в следующий раз он задумается о моих чувствах, а не о своей чести».

Герцог сжал кулаки так, что побелели костяшки. Его дыхание стало тяжёлым и прерывистым, и я заметила, как его ноздри раздувались — как у дракона, который готовится выдохнуть пламя.

— Ты... ты невыносима! — выплюнул он. — Ты всегда была капризной, всегда делала всё по-своему, но чтобы так... чтобы сорвать церемонию из-за какой-то прихоти! Это уже не каприз, Анна. Это — вызов!

Я улыбнулась той самой наглой улыбкой, которая, кажется, досталась мне вместе с этим телом:

— Вызов? Ну, допустим, это вызов. И что ты сделаешь, герцог? Сожжёшь меня? Прикажешь запереть в башне? Или отправишь обратно к родителям, которые тебя уже обобрали до нитки?

Он шагнул ко мне, и я инстинктивно отступила, но он оказался быстрее — схватил меня за запястье и притянул к себе. Я упёрлась свободной рукой в его грудь, чувствуя, как под камзолом бьётся сердце, горячее, как уголь. Его глаза горели, но теперь в них была не только ярость — в них было что-то ещё, почти растерянное.

— Ты думаешь, я просто хочу тебя уничтожить? — про-
рычал он тихо, почти шёпотом. — Ты думаешь, мне нужен
только твой титул и твои земли?

— А что ещё? — я не отвела взгляда. — Ты же не любишь
меня, герцог. Ты меня даже не знаешь. И я тебя не знаю. Так
зачем нам играть в эту глупую игру?

Он отпустил моё запястье и отшатнулся, как от огня.
Прошёлся по комнате, опрокинул стул (бедный стул), потом
остановился у окна, тяжело дыша, и уставился на сад. Его
плечи были напряжены, и я видела, как под камзолом пере-
катываются мышцы — он едва сдерживался, чтобы не пре-
вратиться в дракона прямо тут.

— Любовь, — выплюнул он это слово, как яд. — Ты го-
воришь о любви. Знаешь, что такое любовь в нашем мире,
Анна? Это слабость. Это когда тебя могут использовать. Ко-
гда ты становишься уязвимым. Я не хочу быть уязвимым.

— А я хочу, — сказала я тихо, и он замер. — Я хочу быть
нужной не как пешка на доске, а как человек. Или как дра-
коница. Не знаю. Я хочу, чтобы мужчина смотрел на меня и
видел не контракт, не земли, а меня. А если ты не способен
на это — то зачем мне с тобой под венец? Чтобы через год
ты меня возненавидел? Чтобы я превратилась в твою тень, в
предмет мебели, который только украшает трон?

Герцог медленно повернулся ко мне. В его глазах погас-
ли огни, и он смотрел на меня странно — как будто видел
впервые.

— Ты стала другой, — сказал он хрипло. — Раньше ты была просто своенравной девочкой, которая пряталась в саду и строила козни. А теперь... ты говоришь такие вещи, которые мне не нравятся. Потому что я не знаю, что на них ответить.

— Так не отвечай, — я пожала плечами. — Просто прими, что я не выйду за тебя, пока не пойму, что ты видишь во мне не просто выгодную партию. И если тебе это не подходит — разорви контракт. Скажи, что я сошла с ума. Будет тебе повод.

Он сжал губы в тонкую линию. Его руки дрожали. Он стоял, сверкая глазами, и я видела, как внутренности его буквально разрываются от злости и бессилия. Потом он выдохнул — громко, с хрипом, и вокруг него разошлась горячая волна воздуха.

— Ты пожалеешь об этом, — сказал он тихо, почти беззлобно, но в голосе звенела сталь. — Я не позволю тебе просто так разрушить всё, что мы строили.

— Мы не строили, герцог. Мы подписали бумаги. Это разные вещи, — я развела руками и улыбнулась самой невинной улыбкой, на которую была способна.

Он посмотрел на меня, на мою сорочку со слониками, на мою растрёпанную голову, на эту глупую улыбку — и ярость захлестнула его с новой силой. Он метнулся к двери, на ходу сбив с дороги ещё один стул, и на пороге обернулся:

— Ты ещё услышишь обо мне, Анна. И пеняй на себя!

Он вылетел из комнаты, и дверь захлопнулась за ним с таким грохотом, что со стен посыпалась штукатурка, а где-то в углу жалобно звякнула хрустальная ваза. Я слышала, как его шаги гулко отдавались в коридоре, а затем — как что-то с грохотом рухнуло, и чей-то испуганный голос прокричал. «Герцог!»

Я осталась одна, посреди разгромленной комнаты — с двумя опрокинутыми стульями, дрожащими стенами и пылью, которая всё ещё оседала в воздухе. Я перевела дух, провела рукой по волосам и вдруг расхохоталась — громко, от души, запрокинув голову.

— Ну и ну, — сказала я, глядя на слоников на своей сорочке. — А вы, слоники, оказывается, не просто так здесь вышиты. Вы — свидетели первой ссоры с драконом. Ещё и замуж не вышла, а уже приключений — выше крыши.

Я подошла к окну, отодвинула штору и увидела, как из замка, вздымая клубы пыли, вылетает огромная серебряная тень — дракон. Герцог, видимо, решил остыть в небе. Он взмахнул крыльями, поднимаясь вверх, и от его рёва задрожали стёкла.

— Ну, лети, лети, — прошептала я, глядя ему вслед. — Мне всё равно нужно немного подумать. И переодеться. И, может быть, найти Тима, чтобы он приготовил мне завтрак. Потому что скандалы — это, конечно, хорошо, но на голодный желудок они не так эффективны.

Я повернулась к трюмо, посмотрела на своё отражение —

молодое, красивое, с этими небесно-голубыми глазами, которые так и искрились весельем — и улыбнулась своему отражению.

— Доброе утро, Анна. Второй день в магическом мире — и уже разбушевалась. Продолжай в том же духе, и, глядишь, этот дракон скоро сам откажется от свадьбы. Или наоборот — влюбится в тебя снова, как в прошлых снах. А пока — завтрак. И, желательно, с булочками.

Я подхватила с пола первый попавшийся халат — шёлковый, с золотыми драконами, которые, кажется, обиженно смотрели на меня — и направилась искать Тима. А заодно — разузнать, как тут принято разрывать помолвки и выходить из себя с достоинством. Но это потом. Сначала — завтрак. Потому что даже у драконьей невесты должны быть приоритеты.

Глава 8

Я распахнула дверь своей спальни, всё ещё улыбаясь собственным мыслям о драконе, который только что улетел в небо в припадке праведного гнева, и чуть не столкнулась лбом с подносом, который плыл по коридору на высоте моей груди. Поднос был огромным, серебряным, с позолоченными краями, и на нём возвышались горы яств, от которых шёл такой умопомрачительный аромат, что у меня заурчало в животе с новой силой.

— Ваша светлость! — раздался испуганный писк, и из-за подноса выглянула та самая служанка, что пыталась переодеть меня вчера к алтарю. Она была бледнее обычного, глаза округлились, а руки, державшие поднос, мелко дрожали. — Я как раз несла вам завтрак, но я слышала... там... герцог... он же только что вылетел отсюда как... как ураган! Он опрокинул стражника и пробил крылом стену в коридоре! Вы живы? Вы целы? Он не причинил вам вреда?

Я смирила взглядом перепуганную девушку и, вместо ответа, взяла её за локоть и мягко потянула обратно в комнату:

— Всё хорошо, он просто высказался. И высказался громко. Но я, как видишь, даже не помята. А ты, бедная, вон как трясёшься. Давай, входи, ставь это всё на стол. Ты меня просто спасла, я как раз собралась идти на кухню, потому что умирала с голоду.

Служанка, всё ещё не веря своим ушам, переступила порог и оглядела разгромленную комнату — два стула на полу, разворошенная кровать, сдвинутый ковёр. Она охнула.

— Боги! Он же тут всё разнёс! — воскликнула она, ставя поднос на единственный уцелевший столик у окна. — Вы не пострадали? Может, позвать лекаря? Или мага? Или хотя бы уборщиков?

— Успокойся, — я махнула рукой и плюхнулась в кресло напротив столика. — Это всего лишь два стула и немного пыли. А стены, кстати, выдержали. У них хорошая звукоизоляция, я заметила. Потом уберут.

Служанка замерла, теребя край фартука, и смотрела на меня с таким смешанным выражением страха, обожания и недоумения, что я едва не прыснула:

— Ваша светлость... вы не боитесь его? Он же дракон! Он может превратиться и сжечь весь дворец!

— Ага, может, — я отломил кусок круассана, хрустящего и тёплого, и отправила в рот. — Но зачем ему жечь дворец, в котором он сам живёт? Это же невыгодно. И потом, он же не просто дракон, он герцог. У него есть репутация. Сжёт дворец — потом восстанавливай, стройматериалы дорогие, рабочие ищут... Нет, дорогая, он просто пошумел и успокоится. Я его знаю. Вернее, начинаю знать.

Служанка покачала головой, но не стала спорить. Она аккуратно расставила передо мной тарелки: омлет с зеленью, который таял во рту, горку свежих ягод, похожих на малень-

кие рубины, кувшин с золотистым соком, от которого шёл запах персиков и чего-то пряного, и, конечно, круассаны — те самые, с маслом, которое всё ещё стекало с них, когда я откусывала.

— Вы вчера не ужинали, — напомнила она с лёгкой укоризной. — Старший повар ворчал, что госпожа пропустила ужин в главном зале, но я сказала, что вы устали и уснули. Надеюсь, я правильно сделала?

— Более чем, — я подмигнула ей и отпила сок. Сок оказался не просто вкусным — он был ледяным, бодрящим, и по жилам разлилась прохлада. — Ты даже не представляешь, как правильно. А что, старший повар так и ворчал? Он вообще всегда ворчит, или только когда кто-то не приходит к ужину?

Служанка тихо хихикнула, и страх в её глазах начал таять:

— Он всегда ворчит, ваша светлость. Даже когда всё хорошо. Это его любимое занятие.

— О, я таких знаю, — я усмехнулась, вспоминая Петра Сергеевича. — У нас таких называют «профессиональными ворчунами». Но ты ему не говори, а то он в мою еду что-нибудь подсыплет из вредности. Хотя, судя по этому завтраку, он тоже мастер своего дела. Передай ему мою огромную благодарность.

Я умяла омлет с такой скоростью, что служанка застыла, глядя на меня с лёгким шоком. Видимо, аристократки не едят с такой жадностью. Но мне было плевать. После скан-

дала с драконом, после вчерашнего пирога Тима, после всех этих приключений я была голодна как волчица.

— Что, не видела, как едят будущие герцогини? — спросила я, вытирая губы салфеткой. — Привыкай. Я люблю вкусно поесть. И не собираюсь изображать, что мне достаточно одного листика салата. Это же нездорово.

Служанка покраснела, но улыбнулась:

— Вы необычная, ваша светлость. Все это говорят.

— А что говорят про герцога? — я взяла ещё круассан, уже без особого голода, а просто из удовольствия. — Он тоже необычный, или его все боятся?

Девушка замялась, но потом тихо, почти шёпотом, ответила:

— Его боятся, ваша светлость. Он вспыльчивый, он может сжечь дотла целое селение, если кто-то ослушается. Но он... справедливый. Он никогда не наказывает невиновных. И он одинок. Очень одинок. Говорят, он ищет не просто жену, а ту, кто сможет его... понять.

Я уставилась в тарелку, задумавшись. Одинокий дракон. Золотая клетка, титул, сила, но никого рядом. Звучит знакомо до боли. Только я там, на Земле, была одинокой в бетонной коробке, а здесь — в этой роскоши. Ирония судьбы, не иначе.

— Понять, — повторила я. — Это сложно. Особенно когда он врывается в спальню и орёт. Но, может быть, он просто не умеет по-другому. Я тоже не умела, пока не... ну, по-

ка не попала сюда.

Служанка насторожилась:

— Не попали сюда? Но вы же всегда здесь жили, ваша светлость. Вы выросли в этом замке.

Я чуть не подавилась соком, но быстро взяла себя в руки.

— Ну, я имела в виду, пока не стала взрослой, пока не поняла, как много вокруг глупостей и условностей, которые только портят жизнь. Когда я была маленькой, я думала, что замки — это круто. А теперь понимаю, что это тоже работа. Постоянная работа.

Она кивнула, явно приняв мою неловкую оговорку за философское рассуждение, и начала собирать пустые тарелки:

— Но вы ведь всё равно планируете выйти за герцога? После всего, что было?

Я откинулась на спинку кресла, поглаживая сытый живот, и задумчиво посмотрела в потолок:

— Планирую — не планирую. Скажем так: я пока не решила. Мне нужно его узнать, а он, похоже, не умеет знакомиться без скандалов. Но если он придёт мириться, я готова выслушать. Если нет — что ж, у меня есть время. И есть завтраки. И есть один зелёный тролль, который умеет делать небесные пироги. Так что я не пропаду.

Служанка уставилась на меня с круглыми глазами, но ничего не спросила. Она лишь склонила голову:

— Я буду ждать ваших распоряжений, ваша светлость. Если что-то понадобится — я внизу.

— Спасибо, — сказала я, вставая и подходя к окну. За ним всё ещё сияло солнце, и где-то вдалеке я видела крошечную точку — дракона, который парил над холмами, делая круги. Герцог успокаивался. Или готовил новый план мести. С него станется.

— Передай старшему повару, что завтрак был божественным, — добавила я уже в спину служанке. — И скажи ему, что я, возможно, загляну сегодня вечером на кухню, чтобы лично поблагодарить его за омлет.

Служанка обернулась с недоумённой улыбкой:

— Вы? На кухне?

— А почему нет? У нас что, не положено аристократкам спускаться вниз и смотреть, как готовят еду? Я хочу учиться. Вдруг однажды мне придётся готовить самостоятельно. Или я уеду в путешествие и буду жить в палатке. Знания никогда не лишние.

Она покачала головой, явно решив, что я шучу, но, взяв поднос, ушла, прикрыв за собой дверь.

Я же осталась стоять у окна, провожая взглядом драконью точку на горизонте.

— Ладно, герцог, — прошептала я. — Дай мне время. Может быть, мы ещё найдём общий язык. Или я случайно влюблю тебя, или ты научишься разговаривать без рёва. В любом случае, это обещает быть интересным. А пока — я сыта, я спокойна, и у меня есть слоники на ночнушке. От жизни надо брать всё.

Я отошла от окна, плюхнулась на кровать и мечтательно уставилась в потолок, размышляя о том, что ждёт меня впереди. И, честно говоря, я была полна оптимизма. Даже несмотря на то, что только что разругалась с драконом, который мог бы испепелить меня одним лишь выдохом. Всё лучше, чем отчёт по просрочкам. И точно лучше, чем улыбаться Максиму из маркетинга.

Глава 9

Я вышла в сад сразу после завтрака, чувствуя себя сытой, довольной и слегка обалдевшей от собственной храбрости. Утренний скандал с герцогом уже казался забавным приключением, особенно теперь, когда этот самый герцог улетел остывать в небеса, а я осталась на земле с круассанами и спокойствием. Солнце ласково грело плечи, ветер шевелил мои золотые локоны, и я шла по той же розовой дорожке, что и вчера, наслаждаясь тишиной и ароматами.

Но тишина длилась ровно до тех пор, пока я не завернула за поворот у фонтана с мраморной нимфой.

Там, на каменной скамье, сидели три дамы. Лет тридцати-тридцати пяти, все как на подбор — ухоженные, напomaженные, в платьях, которые стоили целого состояния и которые явно были сшиты не для садовых прогулок, а для того, чтобы демонстрировать фигуры и ткани. Увидев меня, дамы разом встрепенулись, как голубки, увидевшие корку хлеба, и с визгливым щебетом поднялись со скамьи:

— Анна! Дорогая! А мы вас как раз ждали!

— Слышали, слышали, вы сегодня так рано встали! Какая вы молодец!

— А мы тут обсуждали ваш будущий двор. Вы ведь уже думали о фрейлинах? О, мы бы так хотели быть рядом с вами!

Я застыла на месте, приклеив на лицо вежливую улыбку, которую когда-то оттачивала перед зеркалом для телефонных разговоров с недовольными клиентами. Дамы окружили меня, сверкая глазами и улыбками, которые явно тренировались годами при дворе.

— Ваша светлость, я — леди Мариэль, — пропела высокая брюнетка с родинкой над губой, делая книксен с такой грацией, что мне стало обидно за свою земную неуклюжесть. — Мой супруг — барон, мы давно служим короне. Я бы могла быть вам полезна в вопросах этикета и организации приёмов.

— А я — графиня Лианна, — вторила ей другая, рыжеволосая, с карими глазами, которые смотрели на меня с приторным обожанием. — Я знаю всех и вся в этом королевстве, и я помогу вам завести нужные знакомства. Вам ведь, как будущей герцогине, нужна надёжная свита!

— И я, и я! — подхватила третья, блондинка с пухлыми щёчками, похожая на надушенную булочку. — Я — леди Селеста. Я обожаю устраивать балы и пикники, а ещё я знаю сто рецептов освежающих напитков. Вы будете самой популярной герцогиней!

Я слушала этот тренькающий хор и внутренне хихикала. Вот они, местные сплетницы. Те, кто за версту чует новый титул и липнет к нему, как мухи к мёду. На Земле их звали «коллеги, которые всегда приносят свои идеи, когда у тебя есть бюджет». Здесь — фрейлины. Но суть одна: они хотели

быть рядом с сильной мира сего, чтобы урвать кусочек славы, власти и, конечно, доступа к хорошим вечеринкам.

Я перевела взгляд с одной на другую, расправила плечи и ответила той же сладкой улыбкой, от которой когда-то плавился даже Петр Сергеевич:

— Милые дамы, я тронута вашим вниманием. Честно говоря, я ещё даже не решила, буду ли вообще обзаводиться двором. В конце концов, я пока ещё официально не замужем, и как вы знаете — вчерашняя церемония, увы, не состоялась.

Дамы переглянулись. Их улыбки на долю секунды дрогнули, но они быстро взяли себя в руки.

— Ах, Анна, но это же временные трудности! — воскликнула Мариэль, взмахивая веером. — Герцог просто немного вспылил, но он такой страстный! Он обязательно одумается, и вы будете вместе. А когда это случится, вам же понадобится свита! Нельзя же быть одной среди всех этих важных господ. С ними нужно уметь общаться, а мы — мы знаем их всех как облупленных!

— У меня, кстати, есть знакомства в соседних королевствах, — добавила Лианна, многозначительно поднимая бровь. — Очень полезные знакомства, я вам скажу.

— А я могу стать вашей главной советницей по кулинарным вопросам! — встряла Селеста, почти подпрыгивая на месте.

Я мягко отступила на шаг, высвобождаясь из их окруже-

ния, и сложила руки перед собой в самой миролюбивой позе, которую только могла придумать:

— Дорогие леди, вы, безусловно, очаровательны и, вне всяких сомнений, полезны. Но я, знаете ли, привыкла принимать решения самостоятельно. И если я когда-нибудь решу набирать фрейлин, я буду выбирать их по одному принципу: они должны быть мне интересны как личности, а не только как носительницы титулов или связей. И я уверена, что у вас у всех есть свои собственные дела, помимо опеки надо мной. Не так ли?

Лица дам вытянулись. Мариэль нахмурилась, Лианна натянуто улыбнулась, а Селеста, кажется, даже не поняла, что я вежливо отказала. Но я продолжила, разбавляя дипломатию лёгкой язвительностью:

— Впрочем, я всегда рада пообщаться в саду. Если вы вдруг захотите обсудить погоду или новые сорта роз, я с удовольствием составлю вам компанию. Но пока — прошу меня простить, я только что позавтракала и хочу спокойно погулять. В одиночестве. Это моя маленькая причуда.

Дамы переглянулись ещё раз, явно не привыкшие к таким отповедям, но спорить не стали. Сделав синхронный книксен, они почти хором пропели:

— Как пожелаете, ваша светлость. Мы будем ждать вашего решения.

И они упорхнули в сторону замка, шурша юбками и перешёптываясь уже между собой. Я слышала обрывки фраз: «...»

совсем с ума сошла», «...кто она такая, чтобы отказывать?», «...герцог её быстро научит манерам». Я усмехнулась и пошла дальше, усаживаясь на ту самую каменную скамью, где только что сидели сплетницы.

— Фрейлины, значит, — пробормотала я, глядя вдаль на цветущие кусты. — Свита, двор, советницы. А ведь они правы в одном: если я действительно стану герцогиней — и если я вообще захочу с этим мириться — мне понадобятся люди. Не для того, чтобы мной командовать, а чтобы помочь не утонуть в этих интригах.

Я задумалась. В моём земном мире одиночество было привычкой. Я привыкла рассчитывать только на себя, тащить на себе отчёты, ипотеку и улыбку. Но здесь — здесь всё иначе. Здесь я — фигура, вокруг которой плетутся интриги, и если я буду одна, меня просто съедят эти самые дамы в кружевах. С другой стороны — кого брать в фрейлины? Этих троих, которые уже сейчас пытались втереться в доверие? Или найти кого-то более искреннего? Того же Тима, например, но вряд ли он умеет обсуждать батальные сцены с соседними герцогами.

Я вздохнула, прислонилась спиной к тёплому камню и прикрыла глаза. Солнце щекотало веки, ветер играл с волосами, а мысли кружились вокруг одного и того же: «Хочу ли я быть герцогиней? Хочу ли я быть женой дракона, который умеет только орать и летать? Или я хочу найти в этом мире своё место, даже если оно не будет связано с короной?»

— Фрейлины... — повторила я, от

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.